Глава 557 Наказание.

- Как уже упоминалось, эльфийский язык превзошёл ту сферу языка, которую мы способны понять. Большая часть его эффективного значения заключается в молчаливом понимании и резонансе говорящего, который опирается на присущие эльфам экстраординарные чувства, практически являющиеся основными инстинктами этой этнической группы. Даже с помощью простого текста они могут воспроизвести контекст, передать подробное описание и реализовать эмоциональную связь через произношение и мазки кисти, читая вслух или при помощи прикосновения. Это то, что полагающиеся на банальную речь люди не могут себе представить...

В кабинете Миндис Холла великий ученый Бонар, как обычно, самоуверенно и сдержанно проводил урок грамматики.

Сидя за столом, Фалес спокойно и скрупулёзно копировал древнюю эльфийскую рукопись, от пяти до пятнадцати фонетических символов в каждом слове.

Словно ничего не произошло прошлым вечером.

- В письме эльфийский язык часто бывает до возмущения кратким: грамматическая структура языка древних эльфов Циа часто опускает времена и местоимения, а порядок слов языка древних эльфов Рехана регулярно содержит непонятные инверсии. Об этом даже есть шутка. На человеческий язык с эльфийского был переведён роман о любовном треугольнике, но читатели разделились на три враждующих лагеря после того, как закончили его читать. Все три лагеря утверждали, что пара персонажей, которая им понравилась, оказалась вместе. В итоге оригинальному автору пришлось выйти и объяснить, что на самом деле он написал роман о любовном шестиугольнике...

Голос учёного Бонара монотонно гудел, но Фалес оставался сосредоточенным.

Пара гвардейцев Звёздного Озера, стоявшая на страже у входа, по-прежнему состояла из представителей Авангарда и Защиты (по предпочтениям Маллоса), но это уже были не Гловер и Дойл. Их заменили молодой Несс и Бастия, с которыми Фалес был незнаком. Оба показали отличные результаты прошлым вечером: первый железным кулаком усмирил Ди Ди, беспокоящегося о своём отце, в то время как Фалес испытал жёсткость мышц на животе второго.

«Значит, Гловера и Дойла освободили от дежурств» - подумал Фалес.

- В связи с этим, в первые годы Империи, в Нецивилизованный период, когда рудолианцы создали свой алфавит на основе эльфийского письма, им пришлось добавить множество грамматических норм, таких как времена, грамматический голос, порядок субъект-предикат-объект и т. д., чтобы прояснить вещи, которые древние эльфы могли воспринимать без дополнительного описания. Это привело к другой крайности: так родился сложный древний язык Империи с изменчивой риторикой. Таким образом, мы должны уделять особое внимание чтению и переводу языка эльфов...

Сегодня солнца не было. Дул резкий ветер, и было очень холодно.

Миндис Холл казался пустынным и безмолвным.

В Вечной Звезде уже должна была властвовать зима, но осень в этом году выдалась

необычайно длинной, унылой и мрачной.

Герцог Звёздного Озера молча двигал запястьем, наблюдая, как буквы одна за другой ложатся на бумагу.

После одной ночи у него одеревенела спина, болел лоб и мёрзли ноги.

Все это служило напоминанием о том, что угол в спальне не способствует хорошему сну.

- Поэтому нетрудно понять, почему разные этнические группы имеют разные языки, и как разные языки формируют разные этнические группы - язык является инструментом, результатом, источником и причиной. Это лучший пример гостя, который подавляет своего хозяина и глубоко влияет на своих пользователей в меняющиеся времена...

Слушая низкий голос учёного Бонара, Фалес сосредоточился на бумаге перед собой. Кончик его кисти двигался ловко, как машина. Каждый мазок был тщательным и изящным.

Кроме этого, больше не было ничего.

- ...отдалённый. - Голос учёного Бонара стал туманным. Его тон был странным и колеблющимся.

Молодой герцог никак не отреагировал. Он с отсутствующим выражением лица перешёл к следующему листу бумаги, открывая следующую страницу для копирования.

Следующая страница.

И ещё одна.

Однако учёный Бонар вдруг повысил голос и произнёс:

- Дис-тант!

Кисть Фалеса дрогнула, испачкав бумагу каплей чернил.

Очнувшись, он удивлённо поднял взгляд.

- Что? Простите?

Перед ним со скрещенными на груди руками стоял невозмутимый учёный Бонар и с интересом смотрел на него.

Учёный Бонар усмехнулся и терпеливо пояснил:

- Это была фраза на языке древних эльфов Циа. Если бы вся информация, содержащаяся в произношении, была интерпретирована, она, вероятно, была бы переведена на... - Учёный вернулся на своё место и продолжил: - Ваше внимание не со мной, не на уроке, и даже не на бумаге под вашей кистью, Ваше Высочество.

Фалес на мгновение опешил.

Несмотря на то, что ему удалось быстро придумать несколько оправданий, в итоге он вздохнул и искренне извинился:

- Простите, учёный Бонар.

- Нет, это я должен извиниться, - без тени гнева ответил учёный Бонар, держа в руке чашку. - Мой урок, очевидно, был недостаточно интересным, чтобы вы могли сосредоточиться на нём и забыть о своих заботах.

Фалес покачал головой.

- Это не ваша вина. Вы прекрасный учитель. Просто дело в том, что я...

Однако Бонар перебил его:

- Я слышал о том, что произошло прошлым вечером.

Фалес промолчал.

- Хорошо быть уважительным и понимающим, Ваше Высочество. Не пренебрегать человеческими ценностями и внутренними качествами человека - даже если этот человек ваш враг - ещё более достойно восхищения.

- Правда? - принц заставил себя улыбнуться, испытывая смешанные эмоции.

Учёный Бонар закрыл учебник и тихо произнёс:

- Но не забывайте, что вы тоже человек.

Услышав эти слова, Фалес на мгновение замер.

Уважаемый старый учёный улыбнулся.

- Я тут подумал, что мы можем закончить урок пораньше.

Фалес отложил кисть.

Он только сейчас понял, что его лист, на который он копировал эльфийскую письменность, был наполнен ошибками.

Юноша вздохнул.

- Спасибо за понимание, учёный Бонар. Я признателен вам.

Учёный Бонар ответил улыбкой.

- Причина, по которой мы должны совершенствовать нашу грамматику и изучать языки, а не останавливаться на уровне повседневных разговоров и написания писем, Ваше Высочество, - старик поднялся и произнёс глубокомысленно, - заключается в том, что, как люди, мы ценим ценности и чувства друг друга, а также потому, что мы хотим общаться и лучше понимать друг друга, чтобы раскрыть и выразить то, что находится глубоко внутри нас. Вместо поверхностных действий и реакций, слепого сознания и непонимания, злонамеренных догадок и подозрений, нашей безразличной природы и правил. Нас отличает от животных не умение разжигать огонь, Ваше Высочество... - Пожилой учёный Бонар аккуратно убрал свои учебные материалы. - Дело в том, что среди этих «нас» одни умеют разжигать огонь, а другие - нет.

Фалес молча обдумал эти глубокомысленные слова.

В итоге он встал и поклонился.

После того как учёный Бонар ушёл, Фалес посмотрел на мрачную погоду снаружи и позвал Несса и Бастию.

- Есть новости из Дворца Возрождения?

- Нет, Ваше Высочество.

Как новичок Авангарда, Несс впервые получил задание от принца. Этот молодой человек, который был всего на несколько лет старше Фалеса, был явно взволнован. Его взгляд, которым он смотрел на принца, был наполнен серьёзностью и предвкушением.

- На самом деле, я думаю, что дворец сейчас занят тем, что произошло прошлым вечером.

Прошлым вечером.

Фалес подавленно вздохнул.

Бастиа, бывший ненамного старше, бросил взгляд на Несса, но молодой человек ничего не заметил и с энтузиазмом продолжил:

- Хотите, чтобы я отправил кого-то во Дворец Возрождения? Я могу...

- Нет. В этом нет необходимости. - Фалес встал. - Мне нужно переодеться. Следующим в расписании идёт урок боевых искусств. До прихода Маллоса, - герцог встал и расстегнул рукава. После вчерашнего вечера у него появилось непреодолимое желание помахать оружием, - я хочу размяться на тренировочной площадке.

- Конечно, - лучезарно улыбнулся Несс. - Я проинформирую слуг...

- Но, Ваше Высочество, - Бастиа не решался заговорить. Его голос был резким, как рёв в кузнечном горне. - О тренировочной площадке... - Он резко оборвал себя.

- В чём дело? - Фалес посмотрел на защитника, который был крепок, как небольшой холм, вспоминая силу последнего, когда тот защищал его прошлым вечером. Ему стало интересно, все ли гвардейцы имеют такое телосложение?

- Ди Ди только что вернулся.

Расстёгивавшая рукав рука замерла.

Заметив выражение лица Фалеса, Бастиа быстро продолжил:

- Он с ведущим Гловером на тренировочной площадке... вместе с командиром Маллосом.

Фалес в замешательстве обернулся.

- И что?

Гвардейцы переглянулись, но ничего не ответили.

Фалесу не пришлось долго гадать.

Когда он добрался до тренировочной площадки, большинство гвардейцев Звёздного Озера уже были там. Они были разделены на команды, основанные на ранге и их обязанностях, образуя полукруг - точно такой же, как когда они «проверяли» Фалеса.

Несс хотел привлечь всеобщее внимание, чтобы гвардейцы проявили уважение к Фалесу, но Бастия быстро остановил его.

Фалес почувствовал, что что-то не так.

Под затянутыми тучами небом все молча стояли по стойке смирно. Никто не разговаривал и не двигался.

Взгляд Фалеса скользнул мимо них и остановился на стоявшем впереди Маллосе.

Руки зрителя находились за спиной. Его выражение лица было как всегда спокойным, но при этом его окружала какая-то нервующая аура.

Пенитенциарный офицер Паттерсон, офицер логистики Стоун и знаменосец Фабл - три опытных гвардейца с особыми статусами с серьёзными лицами стояли прямо за зрителем.

Перед Маллосом в центре тренировочной площадки на одном колене стояли два гвардейца с прижатыми к груди руками и опущенными головами.

Выдерживая взгляды своих товарищей.

Это были Дойл и Гловер.

Фалес слегка опешил.

Принц застыл в стороне от тренировочной площадки, не став продвигаться вперёд.

Чутьё подсказывало ему, что ближе подходить не стоит.

Тем не менее, некоторые заметили прибытие герцога, но, очевидно, текущая ситуация не позволяла им громко его поприветствовать. Многие просто слегка поклонились и приложили руки к груди.

Маллос тоже заметил Фалеса. Оглядевшись, он равнодушно вернулся к делу.

- Паттерсон, делай свою работу.

Стоя перед толпой, пенитенциарный офицер Паттерсон холодно шагнул вперёд мимо Маллоса, подходя к стоящей на коленях паре.

- Защитник первого класса, Дэнни Дойл.

Коленопреклонённый Дойл вздрогнул.

Голос пенитенциарного офицера был ровным и бесчувственным, с непоколебимым, как у суда, отношением.

- Как защитник Миндис Холла с лучшим семейным происхождением и самыми многообещающими перспективами, твои опрометчивые действия прошлым вечером подвергли опасности Его Высочество и помешали работе твоих коллег, идя вразрез с твоими

обязанностями охранника и твоей миссией.

Наблюдавший со стороны за происходящим Фалес закрыл глаза. Он знал, что происходит.

Но вчера вечером...

Фалес вспомнил перепуганного барона Дойла, истеричную баронессу и Ди Ди, в гневе размахивающего мечом.

Он также вспомнил Анкера Байраэля и его отчаянную улыбку.

И бесчисленные взгляды зрителей.

Ему стало не по себе.

- Наточи свой меч, чтобы его лезвие блестело, - Паттерсон произнёс старомодную фразу, опустил глаза и холодно посмотрел на коленопреклонённого Ди Ди. - Тебе есть что сказать в своё оправдание?

Одежда Дойла была в беспорядке, а волосы растрёпаны. Его вид резко контрастировал с его обычным образом ленивого и хитрого, но ухоженного богатого ребёнка.

- Нет, офицер Паттерсон. - Дойл глубоко вздохнул и уныло поднял взгляд. Лишь когда он увидел Фалеса, его глаза заблестели. - Моё безрассудство затронуло Его Высочество и всех остальных. Я готов взять на себя ответственность за свои ошибки.

Он опустил руку, лежавшую на колене, и опустился на оба колена, после чего продолжил, опустив голову:

- Заточи мой меч, ибо его лезвие нуждается в блеске.

Никто из зевак не произнёс ни слова. Все молча наблюдали за ними; атмосфера была мрачной.

Паттерсон посмотрел на Маллоса. Последний промолчал.

- Хорошо, - кивнул пенитенциарный офицер и равнодушно скомандовал: - Девять плетей.

После оглашения приговора среди гвардейцев поднялся небольшой шум, но он был быстро подавлен.

Позади Паттерсона, Капоне и Педросси из Дисциплинарного отряда - первого Ди Ди постоянно дразнил «маленькой ватной курткой Паттерсона», а последний был членом особого снайперского отряда прошлым вечером - бесстрастно шагнули вперёд.

Стоявший на коленях Дойл был хорошо подготовлен. Под пристальными взглядами товарищей он молча снял своё оружие и передал его гвардейцам, затем снял броню и предметы одежды: куртку, нарукавники, кожаную броню, оружейный пояс, внутренний жилет...

Пока не обнажил свой мускулистый и пропорциональный торс, дрожащий на холодном осеннем ветру.

Пенитенциарный офицер не остановился. Он перешёл к следующему гвардейцу.

- Калёб Гловер, боец Авангарда первого класса.

«Зомби» Гловер никак не отреагировал. Он был как всегда спокоен.

Будто офицер Паттерсон назвал не его имя.

- Как самый старший и самый способный боец Авангарда, ты не заметил эмоционального состояния своего партнёра. Но, даже заметив его, ты проигнорировал свой долг и не подчинился приказам из-за сочувствия, терпя его безрассудное поведение.

Стоявший рядом Дойл закусил губу, но не осмелился произнести ни слова.

По сравнению с предыдущим выговором, упрёк Паттерсона в адрес Гловера был более суровым.

- Наточи свой меч, чтобы его лезвие блестело. Тебе есть, что возразить?

Гловер медленно поднял голову, как статуя, запечатанная в течение тысячи лет, встретившись с воздействием воздуха начала медленно осыпаться.

- Нет, - ответил Зомби хриплым, но спокойным голосом. - Заточи мой меч, ибо его лезвие нуждается в блеске.

Паттерсон надолго задержал на нём взгляд, после чего произнёс:

- Семь плетей.

Не нуждаясь в подсказках, Гловер быстро опустился на оба колена и снял доспехи и снаряжение, демонстрируя своё мускулистое, загорелое и грубо обтёсанное тело. На нём были старые шрамы, похожие на крошечные выбоины, в отличие от тела Дойла.

Два гвардейца стояли на коленях на тренировочной площадке с обнажёнными торсами, выдерживая взгляды своих товарищей.

Маллос молчал, холодно наблюдая за процессом.

Смешанные чувства Фалеса усилились.

Капоне из Дисциплинарного отряда достал из сумки два коротких стержня размером с веретено и протянул их Дойлу и Гловеру, чтобы они зажали их между зубами.

- У тебя есть опыт в этом деле, - Капоне поправил деревяшку во рту Гловера и прошептал: - У меня есть только один совет: вцепись в неё и не дай ей упасть.

С другой стороны Педросси вытащил два кожаных предмета размером с кулак, связанные в узлы. Он медленно распутал узлы, превратившиеся в два кожаных хлыста.

Два хлыста были тонкими и крепкими. Педросси хлестнул ими по воздуху, породив щёлкающие звуки.

Многие гвардейцы невольно нахмурились.

Дойл глубоко вздохнул. Гловер выглядел серьёзным.

- Держитесь, парни, - холодно произнёс пенитенциарный офицер Паттерсон. - Поверьте мне, я видел колючие плети, которые используют северяне. Они толще и хуже, чем верёвки, на

которых вешают трупы у городских ворот.

Взгляд Дойла был наполнен спокойным принятием. Он обернулся, посмотрел на Фалеса и кивнул ему.

Фалес вздохнул и молча кивнул в ответ.

Маллос нахмурился при виде этой картины.

В следующую секунду Паттерсон махнул рукой.

Капоне и Педросси встали позади коленапреклонённых гвардейцев и размотали хлысты.

Но в этот момент кто-то положил руку на плечо пенитенциарного офицера.

Это был Маллос.

- Грей, ты отвечаешь за Гловера. - Смотритель посмотрел на испуганного Паттерсона, после чего шагнул вперёд и жестом попросил Капоне передать ему хлыст. - А я займусь защитником Дойлом.

Гвардейцы начали перешёптываться.

Дойл и Гловер тоже были крайне удивлены.

Паттерсон нахмурился.

- Мы будем этим заниматься? В этом нет необходимости...

Но Маллос прервал его:

- Поскольку среди нас есть важный гость, мы должны отнестись к этому более серьёзно, не так ли?

Смотритель искоса посмотрел на Фалеса.

Разговоры гвардейцев быстро смолкли.

Почувствовав холодок в сердце, Фалес посмотрел на Маллоса негодующим взглядом.

- Но я...

- Хотя это внутреннее дело гвардии, Ваше Высочество, - Маллос не дал Фалесу возможности продолжить. Он поклонился принцу и спокойно улыбнулся: - Вы можете остаться и понаблюдать за процессом. Или вы хотите посчитать количество плетей?

Фалес пытался найти нужные слова.

Паттерсон вздохнул. Он последовал за Гловером, оттолкнул ошеломлённого Педросси в сторону, и забрал у него хлыст.

Маллос встал позади Дойла. Он потряс хлыстом, улыбнулся Фалесу и произнёс, прежде чем тот успел ответить:

- Толедо, считай.

В толпе Толедо - военный курьер Маллоса - на мгновение остолбенел.

Он посмотрел на своего начальника, а затем на принца. Его взгляд наполнился растерянностью.

Пока Маллос недовольно не приказал:

- Давай!

Толедо больше не смел колебаться. Он шагнул вперёд, поднял голову и крикнул:

- Раз!

Его голос затих.

Фалес с удивлением и гневом наблюдал за происходящим. Маллос и Паттерсон дружно взмахнули руками.

Свист

Их действия были ловкими и плавными. Движения хлыстов были почти синхронизированы, порождая беспрецедентный звук!

Дыхание Фалеса сбилось.

В следующую секунду в воздухе прозвучал звук соприкосновения хлыстов с кожей.

Треск!

Резкий, пронзительный, леденящий душу.

Дойл содрогнулся!

Он подсознательно сложил руки вместе и наклонился вперед, но быстро среагировал, опустив руки и выпрямив спину.

Рядом с ним Гловер с невозмутимым видом крепко сжимал в зубах деревяшку. Его жёсткое как сталь тело лишь слегка вздрогнуло, когда по нему ударил хлыст.

Однако дыхание обоих гвардейцев участилось.

Вскоре Фалес увидел, что на спинах двух наказываемых гвардейцев - грубых или гладких - появились тонкие, жуткие красные полосы, протянувшиеся от верхнего правого края до нижнего левого. Появившаяся из разрывов кожи кровь начала стекать вниз.

- При такой силе удара, - Фалес услышал тихий вздох Бастии, - будет шрам.

Гвардейцы со сложными эмоциями наблюдали за происходящим.

Маллос вытянул левую руку и остановил Толедо.

- Защитник Дэнни Дойл, ты знаешь, в чём заключалась твоя самая большая ошибка прошлым вечером?

Ди Ди всё ещё купался в мучительной боли от первого удара плетью. Он крепко вцепился в

короткую деревяшку с искажённым выражением лица.

Маллос помедлил, после чего повернуться к Толедо.

Толедо не решился тянуть дальше и поспешно произнёс:

- Два!

Маллос и Паттерсон во второй раз взмахнули хлыстами.

«Треск!»

Дойл и Гловер снова вздрогнули.

Фалес невольно отвернулся, словно мог почувствовать жгучую боль, просто наблюдая за наказанием.

- Отвечай, - Маллос улыбнулся своей обычной спокойной улыбкой. - Защитник Дойл... ты знаешь?

Ди Ди надсадно дышал.

В какой-то момент он выплюнул деревяшку и решительно произнёс через боль:

- Из-за моего выбора, опрометчивости и эгоизма я подверг опасности Его Высочество и всех остальных!

Маллос тихо усмехнулся и подал знак Толедо.

- Три.

Хлысты снова рассекли воздух.

«Треск!»

На этот раз, без деревяшки во рту Дойл застонал от боли и всем телом повалился вперёд. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы снова встать на колени.

Глядя на стоящего рядом Дойла, Гловер крепче вцепился зубами в деревяшку.

- Неверный ответ, - спокойно произнёс Маллос. - Скажи, Ди Ди, когда возникнет конфликт между личными и коллективными интересами, - смотритель потряс кнутом, - что ты выберешь?

Слова Маллоса ошеломили всех присутствующих, включая Фалеса, Дойла и Гловера.

- Возможно, мне следует выразиться яснее. Однажды, когда твоя семья и родственники вступят в конфликт с твоими обязанностями и долгом, - Маллос косо посмотрел на Толедо, ответственного за отсчёт, и равнодушно продолжил, - какой выбор ты сделаешь?

Толедо вздохнул.

- Четыре.

Оба хлыста взлетели.

«Треск!»

Дойл фыркнул сквозь сжатые зубы. Гловер тоже стал терять выдержку. Его тело начало раскачиваться.

Они хватали ртами воздух, а по их спинам стекала кровь.

- Что если кто-то посягнёт на жизнь твоего родственника и будет угрожать причинить вред Его Высочеству? - Маллос повысил голос. - Или, что ещё хуже, если твой самый дорогой родственник попросит тебя предать Его Высочество?

Фалес почувствовал, как сжалось его сердце.

Ему вдруг вспомнилась Тюрьма Костей и старая королевская гвардия.

Дойл перевёл дыхание, снова выпрямляя спину. Его влажное от пота и крови тело выглядело крайней жалко.

Он зашипел от боли.

- Я, я не выполнил своих обязанностей прошлой ночью, лорд Маллос!

Маллос нахмурился.

На этот раз он опустил хлыст, не дожидаясь отсчёта Толедо. Послышался взрывной звук, ещё более страшный, чем прежде.

«Треск!»

Ди Ди взвыл от боли и рухнул на землю, неудержимо содрогаясь всем телом.

Остальные гвардейцы тоже вздрогнули.

Паттерсон вздрогнул, но тут же среагировал и ударил Гловера, отчего тот судорожно выгнул спину.

Толедо спешно воскликнул:

- Пя-пять!

Фалес больше не мог на это смотреть. Он отвёл взгляд, чувствуя тяжесть на сердце.

Маллос выдохнул, посмотрел на дрожащего Дойла и развернулся, бросая взгляд на другого подвергающегося наказанию гвардейца.

- Ты, ведущий Калед Гловер. Ответь мне. Что ты выберешь?

Не менее мокрый от пота Гловер с покрытым грязью лицом сделал несколько глубоких вдохов, после чего с решительным видом выпрямил спину, выплюнул деревяшку и ответил хриплым голосом:

- Мы дали клятву, сэр! Посвятить свою жизнь трону и служить королевской власти.

Расхаживающий по площадке Маллос поджал губы.

- И что?

Испытывающий боль и унижение Гловер ответил с ужасным выражением лица:

- Мы должны принести жертву. Долг стоит превыше семьи.

Дыхание Фалеса участилось, когда он услышал ответ Гловера.

Маллос вдруг обернулся и взмахнул кнутом!

«Треск!»

После ужасного треска Гловер взвыл от боли и рухнул вперёд!

Держащий кнут Паттерсон нахмурился. Он посмотрел на Гловера, за которого отвечал, после чего озадаченно посмотрел на мрачного Маллоса.

- Дай ему ещё пять плетей. - Не дожидаясь, пока Толедо посчитает, Маллос указал подбородком на лежащего на земле Гловера, и сказал Паттерсону: - Также этот удар не считается.

Пенитенциарный офицер был потрясён и смущён.

- Потому что ты сдержался, Грей, - не дожидаясь его ответа, Маллос бесстрастно продолжил: - Ты знаешь, что я тебе сильно доверяю.

Паттерсон вздрогнул.

Пенитенциарный офицер крепко вцепился в ручку кнута, не осмеливаясь больше проявлять милосердия.

Медленно поднявшись, Дойл посмотрел на лежащего на земле дрожащего Гловера.

- Это не имеет ничего общего с Зомби. Прошлым вечером это был я... - начал он. Не обращая внимания на слёзы и сопли, катящиеся по его лицу, он произнёс сквозь сжатые зубы: - У меня не хватило смелости пойти на подобную жертву!

Маллос нахмурился и взмахнул рукой.

«Треск!»

Дойл упал на четвереньки под ударом хлыста. Кровь струилась по его спине, а его дыхание стало прерывистым.

- Дай ему ещё пять плетей, - бесстрастно приказал Маллос, не объясняя причин.

Толедо не смел больше колебаться, продолжив отсчёт.

Не в силах больше выносить это зрелище, Фалес хотел вмешаться, но при мысли о том, что именно его присутствие усугубляет ситуацию, усугубляет их наказание, ему пришлось заставить себя успокоиться и проглотить свои слова.

Маллос посмотрел на гвардейцев.

- Жертва. - Голос зрителя был тихим, но его хватило, чтобы все встало по стойке смирно. - Это такое простое слово, не правда ли? Святое, славное, благородное, волнующее и заставляющее чувствовать себя возвышенным. - Маллос принялся расхаживать по полю, больше не поднимая хлыст. - Но многие забывают. - Зритель посмотрел на мрачное небо. Его взгляд был затуманен, будто он смотрел на далекого бога. - Эта жертва, в сущности... является сделкой.

Под ошеломленными взглядами зритель опустил голову.

Дойл и Гловер стиснули зубы и снова выпрямились.

- В древние времена, когда еще преобладала вера в Светлого Бога, смертные приносили на алтарь религиозные жертвы в обмен на благословение. Таково происхождение жертвоприношения.

После этих слов Толедо озвучил счёт, закончившийся очередным ударом кнута.

«Треск!»

Два гвардейца снова рухнули на землю, после чего медленно приподнялись на локтях.

Зрачки Фалеса сузились

- Но, в сущности, она противоположна своему значению - жертвенность - это эгоизм. - Тон Маллоса наполнился глубиной. - Это сделка с целью получения прибыли.

<http://tl.rulate.ru/book/27483/1365928>